

Михал Трембач
(Музей истории польских евреев «Полин»;
Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Кандидат исторических наук

E-mail: michal.trebacz@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1591-4473

Шмуль Зигельбойм (1895–1943) как фигура в польском историческом дискурсе¹

Аннотация: Шмуль Зигельбойм, деятель социалистического Бунда, член Национального совета Польской Речи Посполитой в Лондоне, ночью с 11 на 12 мая 1943 г. покончил жизнь самоубийством в знак протеста против «бездействия мира, наблюдавшего за уничтожением еврейского народа и допускавшего это». Очень рано этот акт сопротивления стал аргументом, который приводили в доказательство польских заслуг в оповещении мира об уничтожении евреев и вины равнодушного к этой трагедии мира. Статья является попыткой ответа на ключевой вопрос: как историки рассказывали о Зигельбойме и какую роль они приписывали ему в дискурсе об уничтожении евреев и польско-еврейских отношениях. В статье рассматриваются также те причины, по которым личность бундовца вернулась в сферу современных обсуждений темы Холокоста.

Ключевые слова: Зигельбойм, польско-еврейские отношения, современный дискурс об уничтожении евреев, историография Холокоста

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.07

Вступление

Шмуль Зигельбойм несомненно принадлежит к наиболее трагическим фигурам еврейской истории времен Второй мировой войны. О его известности свидетельствует не только количество посвященных ему публикаций², но и тот факт, что он является единственным, кроме Гирша Леккерта, членом Бунда, именем которого названа улица в Тель-Авиве. В общественном сознании ему отведена роль человека, который безрезультатно информировал мир о массовом уничтожении евреев. Более того, на волне

² Среди важнейших работ назовем следующие: [Ainsztein1964; Ankiewicz, Nowowiejski 2001; Blatman1990; Blatman 2004; Ravel 1980; Rowiński 2000; Tellerman1994; Tombs 2000; Tombs 2000a; Weinstock 1996; Weinstock 1997].

растущей популярности Яна Карского, чью деятельность в качестве эмиссара правительства в изгнании также стали сводить почти исключительно к информированию о Холокосте, интерес к фигуре Зигельбойма возрос еще больше. Обе эти фигуры часто используются «инструментально» – для демонстрации молчания западного мира перед лицом геноцида. Весь контекст их деятельности при этом опускается, а некоторые высказываемые по поводу этих персон суждения можно назвать антиисторическими.

В то же время оба политика становятся важным элементом той версии истории, которая, несмотря на обвинения в равнодушии или соучастии поляков в Холокосте, отражает недостатки и упущения политиков западных обществ. Поэтому стоит задуматься, какой именно фигура Зигельбойма предстает в научных и публицистических текстах в Польше или за рубежом с момента его смерти в 1943 г. и современности (использованы материалы до 2018 г.).

Моей целью является не тщательный анализ всех упоминаний на эту тему, а попытка обозначения некоторых способов рассказать об истории бундовца, а также о роли, которую его биография играет в общественном дискурсе. Как о Зигельбойме писалось после его смерти и как эволюционировал этот нарратив? Какие аспекты биографии представляли особый интерес для авторов? Конечно, можно говорить о двух отдельных нарративах: научном и публицистическом, которые лишь в небольшой степени соответствуют друг другу. Существующие публикации о деятельности Зигельбойма отнюдь не приводят к проверке некоторых упрощенных утверждений или обобщений. В публицистическом дискурсе о нем писалось и пишется главным образом в связи с его деятельностью по привлечению внимания к массовому истреблению евреев, причем в качестве адресата Зигельбойма избираются Запад (Великобритания и США) и такие еврейские организации, как например, World Jewish Congress (Всемирный еврейский конгресс). Однако не только глубокие исследования, но и внимательное прочтение даже тех основных документов, которые годами присутствуют в научном обороте, побуждают избегать подобной редукции. Впрочем, это происходит, поскольку фигура Зигельбойма использовалась и продолжает использоваться в качестве алиби польских властей в изгнании, а также в качестве обвинительного акта против союзников. Вне поля зрения остается критическое отношение Зигельбойма к политике польского правительства, борьба с антисемитизмом в рядах польской армии или безуспешные призывы о помощи убиваемым в Польше евреям.

Чрезвычайно интересным представляется то, как фигура Зигельбойма интерпретировалась в разное время, как его самоубийство понималось отдельными историками, исследователями, а также писателями, публицистами и политиками. В настоящее время упоминания о нем довольно часты, особенно в связи с очередными годовщинами его самоубийства. Дополнительный интерес к личности Зигельбойма начал проявляться, когда

тема отношения польского общества к уничтожению евреев снова стала предметом общественного обсуждения³. Так, о Зигельбойме писали по случаю 75-й годовщины его смерти в 2018 г.⁴ Неважно, что большая часть его деятельности в этой области велась независимо от польского правительства и даже против его воли: Зигельбойм олицетворяет польские власти в изгнании. Но всегда ли так было?

Шмуль Зигельбойм – биография социалиста

Невозможно говорить обо всех перечисленных проблемах без краткого описания самой личности Шмуля Мордехая Зигельбойма. Он родился в 1895 г. в селе Боровица Люблинской губернии. В семье было одиннадцать (а по некоторым данным даже двенадцать) братьев и сестер [Hertz 1947, 11]. В 1899 г. семья переехала в Красныстав, располагающийся в нескольких километрах от Боровицы, где отец Зигельбойма Йосек (Юзеф) работал учителем в хедере, а мать Хене – швеей. В возрасте десяти лет Шмуль закончил свое образование и поступил учеником на упаковочную фабрику. Скорее всего, учебу он прекратил после несчастного случая, в результате которого потерял два пальца на левой руке. Сложная ситуация заставила его искать работу в большом городе. В двенадцать лет он отправился в Варшаву, где начал обучаться профессии перчаточника. В Красныстав Зигельбойм вернулся в 1914 г. и оставался там в течение года, потом вся семья переехала к родственникам в Хелм. В этот период – при неизвестных обстоятельствах – Зигельбойм начал работать в местных структурах Бунда⁵.

³ Шмуль Зигельбойм стал одним из элементов нынешней пропаганды для польских властей. В инструкциях, отправленных в феврале 2018 г. министрам правительства Матеуша Моравецкого говорится о том, как следует аргументировать несогласие Польши с приписыванием ей частичной ответственности за Холокост, в качестве примера упоминается Зигельбойм, который якобы протестовал от имени польского правительства против пассивной позиции свободного мира в отношении трагедии евреев. См.: www.wprost.pl/polityka/10103825/wyciekly-rzadowe-instrukcje-coministrowie-maja-mowic-o-holokaucie.html (Дата обращения: 13.02.2018).

⁴ См., например [Kozłowski 2018; Skomra 2018].

⁵ Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России («Algemeiner Yidisher Arbeiter Bund in Lite, Poyln un Rusland»), известный как Бунд, был создан в 1897 г. в Вильнюсе. Его основатели были убеждены, что еврейские рабочие страдают не только в результате экономического и национального угнетения. В независимой Польше Бунд сосредоточился главным образом на деятельности профсоюзов, культурных организаций и муниципалитетов – у партии не было своих представителей в парламенте. Бундовцы придавали особое значение продвижению идиша и светской культуры, в их программе постоянно присутствовал и пункт о создании национально-культурной автономии для евреев. Партия получила наибольшее влияние в 1930-е годы, став самой мощной силой «на еврейской улице».

Описанная судьба Шмуля Зигельбойма, дорога, которая привела его к еврейскому социалистическому движению, обнаруживают множество сходств с биографиями других бундовцев⁶. Похожими элементами в них являются религиозная семья, нищета, с которой будущие бундовцы сталкивались с самого детства, отсутствие формального образования и необходимость быстро устроиться на работу. Можно задаваться вопросом, насколько эти совпадения случайны, а насколько сознательно выдуманы авторами биографий, но есть много признаков того, что имеют место оба факта. Невозможно отрицать, что Зигельбойм происходил из еврейской бедноты, однако акцентирование этого факта должно было быть пропагандистским элементом, который легко использовать в дальнейшей агитации. В биографии политика, опубликованной в партийном издании, сказано, что его детство было отмечено голодом и нищетой [Hertz 1947, 12].

В межвоенный период Шмуль Зигельбойм был связан с Варшавой, а затем, с 1936 г. – с Лодзью. В обоих городах он был муниципальным депутатом. С 1924 г. он был также членом Центрального комитета Бунда. Такая сильная позиция Зигельбойма внутри партии, вероятно, была связана с его активной деятельностью в профсоюзном движении. Там он, в частности, был секретарем Еврейского профсоюза металлистов и членом Еврейской секции Центрального профсоюзного комитета в Польше, а с 1930 г. также редактировал газету «Arbeter Fragn» («Вопросы рабочего»).

Стоит отметить, что и отсутствие формального образования, и пролетарские корни отличали его от других членов Центрального комитета – обычно образованных, часто из обрусевших еврейских семей. Зигельбойм принадлежал, таким образом, к той группе бундовцев, которую на идише называли *folks-inteligent* (народная интеллигенция)⁷. Это обстоятельство сыграет существенную роль в его последующей деятельности [Pickhan 2017, 447].

После начала Второй мировой войны Зигельбойм (вместе со своим старшим сыном Йоськой) покинул Лодзь⁸ и отправился в Варшаву, где организовал группу Бунда в рабочих батальонах обороны Варшавы. После сдачи столицы он стал одним из двенадцати заложников – «уважаемых граждан», которые являлись своеобразной гарантией соблюдения польской стороной условий капитуляции. Недолгое время он входил в варшавский юденрат⁹,

⁶ Ср.: [Trębacz 2016].

⁷ Этот идишский термин дословно обозначает «народный интеллигент», что, однако, не до конца передает его значение.

⁸ Однако это было не бегство от приближающихся немецких войск, а реакция на приказ государственных властей, которые призвали всех мужчин моложе 50 лет пойти в армию.

⁹ Юденрат (Judenrat, нем. ‘еврейский совет’) – общее название органов управления еврейской общиной, созданных немцами в начале оккупации. В их обязанности входил контроль за выполнением немецких приказов в гетто (например, доставка работников для принудительного труда). Еврейские советы также отвечали за обеспечение порядка в гетто, социальную помощь, образование и здравоохранение.

в то же время в качестве члена Центрального комитета Зигельбойм был одним из тех, кто инициировал подпольную деятельность Бунда.

В ноябре 1939 г., когда нацистами впервые была объявлена идея создания гетто в Варшаве, Зигельбойм был самым решительным ее противником: в качестве протеста он даже вышел из Еврейского совета. Такая его позиция а также уже упоминавшаяся незаконная политическая деятельность привели к угрозе ареста, поэтому в январе 1940 г. по инициативе коллег по партии Зигельбойм покинул Польшу. Благодаря помощи Жозе Леендерта де Брюина, почетного консула Нидерландов в Кракове, он получил визу в Нидерланды, в которые мог попасть через нацистскую Германию. Однако по формальным причинам Зигельбойма вернули в Германию. Скорее всего, благодаря вмешательству члена Социалистической партии Бельгии Пола Спаака Зигельбойм все же добрался до Брюсселя. После оккупации Бельгии немцами он укрылся во Франции, чтобы затем, после ее падения, через Испанию и Португалию в сентябре 1940 г. уехать в Соединенные Штаты. Зигельбойм быстро включился в деятельность Американского представительства Бунда¹⁰, в которое вошли самые видные представители этой партии.

Совершенно новый и наиболее полно документированный период деятельности Зигельбойма – это время, проведенное в Лондоне, где он был членом Национального совета Польской Республики¹¹. Со второй половины 1942 г. деятельность Зигельбойма в Лондоне была в значительной степени подчинена попыткам сообщить миру о геноциде евреев, происходящем в оккупированной Польше, и найти политическую поддержку для воспрепятствования немецким преступлениям. Трагический финал этих попыток – самоубийство, которое Зигельбойм совершил в ночь с 11 на 12 мая 1943 г., надеясь, что таким образом он сможет воззвать к совести политиков и мирового сообщества, заставить их принять меры, которые могут спасти немногочисленных оставшихся еще в живых польских евреев.

¹⁰ Оригинальное название: American Representation of the Jewish Labour Bund in Poland (англ.). В начале Второй мировой войны в Польше было три эмиссара Всеобщего профсоюза рабочих: Эммануэль Новогрудский (генеральный секретарь Центрального комитета Бунда), Якоб Пат (представитель Центральной еврейской школьной организации CJSzO) и Беньямин Табачиньский (эмиссар санатория Медема в Медзешине). В связи с внезапной необходимостью установить контакт с Центральным комитетом Бунда, а затем и с формирующейся подпольной организацией Бунда под немецкой оккупацией, они решили учредить Американское представительство Бунда. Его руководителем был Эммануэль Новогрудский. Из-за ограниченных возможностей работы в Польше и того факта, что многие довоенные лидеры Бунда, такие как Шмуль Зигельбойм или Ноех Портной, вскоре оказались в Нью-Йорке, представительство взяло на себя роль неформального управления движением.

¹¹ Rada Narodowa Rzeczypospolitej Polskiej – консультативно-совещательный орган президента и польского правительства в изгнании, созданный указом президента от 9 декабря 1939 г. По идее этот институт должен был заменить собой парламент.

Перед смертью Зигельбойм подготовил три прощальных письма, адресованных польским властям (премьер-министру и президенту), своим товарищам из Бунда и брату, жившему в Йоханнесбурге. В первом из них он писал: «Своей смертью я хочу выразить свой сильнейший протест против пассивности, с которой мир наблюдает и допускает уничтожение еврейского народа. Я знаю, что жизнь мало что значит в наше время, но поскольку я ничего не мог сделать за свою жизнь, может быть, своей смертью я сделаю так, чтобы прекратилось безразличие тех, кто имеет возможность спасти, может быть, в последний момент, еще живых польских евреев» [Архив YIVO, RG 1454, Folder 48].

Несомненно, самоубийство Шмуля Зигельбойма затрудняет беспристрастную и нейтральную оценку его деятельности. Большинство текстов, посвященных этому политику, описывают трагический финал его жизни. В результате авторы пытаются оценить и проанализировать всю предшествующую самоубийству деятельность Зигельбойма, имея в виду только эту перспективу. Некоторые даже строили повествование таким образом, чтобы события его биографии образовывали логическую последовательность, в финале которой Зигельбойм должен был покончить с собой. Детерминизм, представленный в этих работах, давал возможность достаточно просто объяснить самоубийство [Herts 1947, 38]. На мой взгляд, эти авторы допустили серьезную методологическую ошибку, используя только те документы, которые, по их мнению, имеют прямое отношение к теме, и исключив другие, потенциально менее важные, не относящиеся к политической деятельности (возможно, не замечая их ценности), такие как огромная коллекция частной переписки, которую Зигельбойм вел с семьей и друзьями.

Уже те письма близким, которые Зигельбойм высылал за несколько дней до смерти, обязывают принять во внимание несколько иную версию событий¹². На мой взгляд, точка зрения, принятая упомянутыми исследователями, не только преуменьшает трагедию бундовца, но прежде всего искажает его биографию. Конечно, невозможно игнорировать факт самоубийства, но его безусловно следует рассматривать в контексте драмы человека и политика – партийного лидера, а также мужа, отца и друга, который вынужден был столкнуться с осознанием своего привилегированного положения и трагедии, которая стала долей его близких.

¹² Даниэль Блатман, разыскивая доказательства в письмах Зигельбойма к родным, предполагает, что политик решил покончить жизнь самоубийством на рубеже февраля и марта 1943 г. Однако анализ содержания письма от 1 февраля 1943 г. побуждает сделать абсолютно иной вывод. Похоже, что бундовец был скорее воодушевлен радостными событиями – прибытием других политиков его партии в Лондон, что положило конец его политической и социальной изоляции.

В польском Лондоне

Анализ изменений в нарративах о Зигельбойме заставляет вернуться к первым газетным сообщениям, появившимся сразу после его смерти. Интересно, что в 1943 г. он был включен в пантеон не только еврейских героев, но и героев польской истории. В статье «Шмуль Зигельбойм (Товарищ Артур)»¹⁵ в «Бюллетене», который издавали в Тегеране польские социалисты, можно прочесть, что «в течение последней четверти века до войны и ранее Бундом руководили люди масштаба [Бронислава] Гроссера, [Владимира] Медема, [Бейниша] Михалевича, [Юзефа] Хмурнера, [Генриха] Эрлиха, [Виктора] Альтера, [Екутиеля] Портного, и на фоне этой великолепной плеяды, звезда «товарища Артура» светила менее ярко. Но во время нынешней войны Зигельбойм возвысился не только как герой еврейских рабочих масс в Польше, но и как настоящий национальный герой, «который вполне заслужил свою родину» [Biuletyn 1943].

Главный редактор издания «Wiadomości Polskie» («Польские вести») Зигмунт Новаковский также рассматривал поступок бундовца как истинно польский. Он считал, что «нет поляка, которому эта мысль [то есть мысль о самоубийстве] была бы совершенно чуждой» [Nowakowski 1943]. В то же время польский писатель, возможно, лучше всего смог описать трагическую природу поступка Зигельбойма, которую возводил к польской романтической традиции: «Этот человек любил борьбу, и его смерть не имеет ничего общего с бегством от жизни. Его смерть иная, совершенно иная. В ней есть своеобразная красота, героизм отчаяния, трагическая мудрость. Он понял, что смерть может быть действенным актом, что она более активна, чем сама жизнь, даже если та наполнена работой и борьбой» [Там же].

Вскоре после смерти Зигельбойма в среде эмигрантов-социалистов стали слышны голоса, указывающие на то, что польская сторона несет ответственность за смерть бундовца. Считалось, что польские эмигранты не приняли вызов на себя и не предприняли надлежащих действий в связи с массовым истреблением польских евреев. В уже упоминавшемся выпуске «Бюллетеня» цитировалось одно из последних заявлений Зигельбойма: «Моему положению не позавидуешь. У меня есть трагическое убеждение, что что бы я ни сделал – я никого не спасу. Приходящие новости хуже с каждым днем. Я сделал много вещей в разных областях, но с каким результатом? А кроме того, отвратительное отношение наших политиков, которые сейчас ведут позорную торговлю кровью польских евреев, чтобы завоевать партийный престиж. Вместо того, чтобы поддержать мои требования о немедленных репрессивных мерах, которые дают единственный шанс спасти кого-либо, фабрикуются планы по вывозу евреев из Польши, что является обыкновенным обманом, потому что Гитлер никого не выпу-

¹⁵ Подпольная кличка Ш. Зигельбойма. – Прим. ред.

стит, и все это рассчитано на собственную рекламу, возможно, отвлечение от важных вопросов» [Jot 1943].

Создается впечатление, что только социалисты хотели заметить, что Зигельбойм писал об этом напрямую в одном из последних писем: «Я также хотел бы заявить, что, хотя польское правительство внесло большой вклад в оказание влияния на общественное мнение в мире, оно не сделало ничего, что равнялось бы масштабу драмы, происходящей в настоящее время в Польше» [Архив YIVO, RG 1454, F. 48].

То, что было, вроде бы очевидно для польских левых в 1943 г., позже утратило свое значение. Со временем смерть Зигельбойма превратилась в поступок политика, столкнувшегося с необходимостью выполнить невыполнимую миссию. В 1963 г. член эмигрантской Польской социалистической партии Адам Чёлкош писал, что Зигельбойма мучило «бремя ответственности, возложенное организацией в Польше на его плечи, его мучили беспомощность и бездействие свободного мира в ситуации, когда необходимо было действовать без промедления» [Pełczyński, Ciołkosz 1963]. Несколько лет спустя, в 1968 г. другой активист Польской социалистической партии, Адам Прагер, сравнил самоубийство бундовца с харакири и, цитируя письмо умершего, выбрал отрывок, который подчеркивал личную драму Зигельбойма [Pragier 1968]. В том же году Казимеж Иранек-Осмецкий в своей книге, опубликованной в Лондоне, процитировал все письмо Зигельбойма, но в комментарии представил его как пример безнадежной ситуации «тех на западе, кто хотел пожертвовать всем, чтобы спасти умирающих евреев в стране» [Iranek-Osmecki 1981, 213].

Цитируемые публикации показывают, как спустя некоторое время в отдельных воспоминаниях участников недавних событий политический жест Шмуля Зигельбойма утратил свое политическое измерение. Его заменила личная трагедия, а самоубийство перестало быть обвинением в адрес политиков. Упомянутые авторы не лгали, но перекладывали бремя ответственности на плечи других. Именно тогда историки в своих работах стали «забывать» о той части прощального письма Зигельбойма, в которой он писал об упущениях польских властей, и сосредоточили внимание лишь на обвинениях в адрес западных правительств. Не менее важен и тот факт, что о Зигельбойме в то время писали почти только исключительно польские левые. Именно для этой среды он был важной фигурой во время войны и позже. Остальная часть польской эмиграции, казалось бы, и не помнила о его позиции.

В коммунистической Польше

В 1966 г., благодаря работе Владислава Бартошевского и Зофьи Левинувны «Ten jest z Ojczyzny mojej» («Он – с моей Родины») [Bartoszewski, Lewi-

ówna 1966], личность Зигельбойма появилась также и в польской историографии¹⁴. В этой публикации был приведен большой отрывок из книги Яна Карского «The Story of a Secret State» («История секретного государства»), опубликованной в Соединенных Штатах и в то время еще не переведенной на польский. Автор описал в нем свою единственную встречу с представителем Бунда в Национальном совете. Он первым процитировал сообщение, адресованное Зигельбойму его товарищами из оккупированной Польши [Bartoszewski, Lewinówna 1966, 537–539]. Слова активиста Бунда из Варшавы, Леона Фейнера, цитируемые Карским, являются чрезвычайно важным элементом в биографии Шмуля Зигельбойма. Трудно не связать самоубийство политика с требованиями из Варшавского гетто, адресованными еврейским лидерам на Западе: «Пусть они откажутся есть и пить, пусть они умирают перед лицом всего мира медленной смертью. Пусть они умрут. Это может поколебать совесть мира» [Bartoszewski, Lewinówna 1966, 538].

Сборник источников Бартошевского и Левинувны обращает внимание читателя на ситуацию в оккупированной стране. Сообщения и требования, которые Зигельбойм получил в 1942 г., не могли не повлиять на его действия. Поэтому наряду со словами Карского исследователи ссылаются на рапорты, которые присылали в Лондон Бунд и Еврейский национальный комитет¹⁵. Авторы, однако, не попытались создать отдельную историю о драме бундовца, оставляя право на единственный комментарий в этом случае Яну Карскому: «Из всех смертей в этой войне смерть Зигельбойма была одной из самых ужасающих, потому что она вдруг показала, насколько мир стал холодным и недружелюбным, сколь бездонная пропасть безразличия, эгоизма и конформизма разделила народы и отдельных людей» [Bartoszewski, Lewinówna 1966, 540].

Трудно с полной уверенностью сказать, стало ли упоминание Шмуля Зигельбойма Бартошевским и Левинувной поводом для использования его фигуры в антиеврейской кампании в Польше в 1968 г. Во время 25-й годовщины восстания в Варшавском гетто на торжественном заседании генеральный секретарь Союза борцов за свободу и демократию Казимеж Русинек в своем выступлении поставил под сомнение справедливость обвинений поляков в безразличии к Холокосту. Упомянув Зигельбойма, он отмечал, что пассивными тогда были не поляки, а евреи из Всемирного еврейского конгресса и «капиталистических государств». Это они были глухи к драматическим призывам из оккупированной страны [Kobyłarz 2009, 207].

¹⁴ Ранее Зигельбойм эпизодически упоминался в изданной в 1945 г. книге Марек Эдельмана [Edelman 1945].

¹⁵ Żydowski Komitet Narodowy (Еврейский национальный комитет) – тайная организация, созданная в октябре 1942 г. для объединения партий, действующих в Варшавском гетто. В его состав входили сионисты, Поалей Цион – левая, Поалей Цион – правая, Польская рабочая партия, Хе-Халуц, Дрор, Ха-Шомер ха-цаир.

Несмотря на интерес к фигуре Зигельбойма, пробужденный политиками Польской объединенной рабочей партии, личность Зигельбойма не стала предметом более широких исследований и о нем вспоминали редко, обычно в одном ряду с Адамом Черняковым, который совершил самоубийство в Варшавском гетто [Fuks 1983, 330; Fuks 1983a, 39]. Для этого есть две основные причины. Историки в Польше сосредоточились скорее на изучении истории Холокоста на польской земле: политике немецких оккупантов, истории отдельных гетто или различных форм самообороны [Eisenbach 1961; Mark 1952; 1953; Datner 1946]. Гораздо реже или очень мало писали о деятельности еврейских политиков в эмиграции или об отношении польского правительства в изгнании к еврейскому вопросу. Вероятно, это было связано с ограниченным доступом к материалам, хранящимся в основном в Великобритании и США.

На рубеже семидесятых и восьмидесятых годов в перечень главных источников, касающихся Холокоста, было добавлено прощальное письмо Зигельбойма, адресованное президенту и премьер-министру Республики Польша. Опубликованное в следующем издании книги «Он – с моей Родины»), оно частично цитируется в книге Антония Слонимского «Alfabet wspomnień» («Алфавит воспоминаний»). Слонимский приводит его для описания трагизма ситуации Зигельбойма [Słonimski 1975, 268–269]. О важном значении этого письма для понимания биографии Зигельбойма свидетельствует его публикация в работе Ирены Мачеевской «Męczeństwo i zagłada Żydów w zapisach literatury polskiej» («Мученичество и уничтожение польских евреев на страницах польской литературы») [Maciejewska 1988, 323].

Начало углубленных исследований

Изменения произошли лишь в первой половине 1980-х годов, когда в сороковую годовщину смерти Зигельбойма в польской прессе были опубликованы два текста, которые выходили за рамки общепринятого канона публикаций о нем.

Первый из них появился в издании «Tygodnik Powszechny» под значимым заголовком «Смерть Шмуля Зигельбойма» [Bytnar, Terlecki 1983]. Анджей Романовский (который писал под псевдонимом Гжегож Бытнар) и Рышард Терлецкий не сосредоточились, однако, исключительно на самоубийстве члена Национального совета, а попытались показать контекст его политической деятельности. Они были первыми, кто попытался проследить путь Шмуля Зигельбойма до того момента, когда он занял должность в Национальном совете, помещая его биографию в более широкий национальный и международный контекст.

Деятельность Зигельбойма в эмиграции связана с поступавшими в Лондон сведениями о Холокосте, что позволяет лучше понять политические

условия эпохи. В заключение авторы отмечали, что «смерть Шмуля Зигельбойма была одной из самых удручающих смертей его времени. Она была вызвана решением человека, который в течение нескольких месяцев терял веру в справедливость, который безрезультатно стучался в двери сильных мира сего, прося помочь погибающему народу и, наконец, осознал свою беспомощность, бессмысленность своей деятельности» [Bytnar, Terlecki 1983]. Романовский и Терлецкий, однако, сгладили это обвинение, отмечая, что возможности союзников на самом деле были ограничены: «Проблему практически невозможно было решить <...> как с политически-военной, так и с моральной точки зрения. Союзники оказались бессильны перед лицом абсолютной жестокости» [Bytnar, Terlecki 1983]. В этом тексте есть еще одно интересное и больше нигде не встречавшееся сравнение пассивности мира по отношению к Холокосту с отсутствием помощи со стороны союзников во время Варшавского восстания 1944 г.

Несколькими неделями ранее в издании «Przegląd Tygodniowy» был опубликован один из первых текстов Александра Ровиньского о Зигельбойме, – статья «Odnaleźć ślad człowieka» («Найти след человека») – где он попытался ответить на вопрос «Что он был за человек, этот Зигельбойм?» [Rowiński 1983]. К сожалению, вопреки убеждению автора, нельзя признать, что ему удалось достичь намеченной цели. Кроме установления некоторых деталей о происхождении и семье Шмуля Зигельбойма, статья Ровиньского не внесла нового в его биографию. В то же время она полна необоснованных утверждений и замечаний, сделанных свысока, а подчеркнуть масштаб фигуры Зигельбойма – важной и забытой – помогают автору искаженные факты. Ровиньский задавал риторический вопрос: «Разве не уходит в забвение тот, чей пример должен быть увековечен в мраморе? Разве в сумасшедшем аукционе модных идиолов мы не теряем из виду тех, кто мог бы сиять целую вечность?» И сам себе отвечал, что это происходит из-за отсутствия интереса у «профессиональных менеджеров и популяризаторов, оснащенных официальными инструментами».

Ровиньский без колебаний писал, что «не было равных Зигельбойму в заступничестве в западном обществе за евреев, погибавших под нацистской оккупацией. Никто на том конце света не знал эту проблему лучше, чем он: у него перед глазами стоял образ Варшавского гетто, он собирал сообщения, которые Армия Крайова по радиосвязи регулярно передавала в штаб-квартиру в Лондоне». Автор также заявлял, что в Зигельбойме было «что-то от пророка и что-то от вождя». Даже допуская, что это преувеличение, описывать Зигельбойма как «величайшего героя гетто», который «превосходит выдвинутых до сих пор героев» – значит принижать достоинства и повстанцев гетто, и всех, кто не погиб сражаясь. Ровиньский слишком старается доказать верность своих утверждений. Сама деятельность Зигельбойма становится для него недостаточной – он должен подчеркнуть уникальность этой фигуры и тех условий, в которых ему пришлось действовать.

В свободной Польше

В Польше после 1989 г. историки уже не сталкивались с препонами в исследованиях и, что еще более важно, охотно обращались к темам польской эмиграции и польско-еврейских отношений (в том числе и в эмиграции). Стоит упомянуть прежде всего работы Дариуша Столы (например: [Stola 1992])¹⁶. Его монография о втором еврейском представителе в Лондонском национальном совете Игнаци Шварцбарте [Stola 1995] рассказывает прежде всего не о Зигельбойме, но содержит массу информации именно о нем. Использование лондонских источников, в том числе стенограмм заседаний Национального совета, дополнило представление о деятельности бундовца в Лондоне. Историк поставил перед собой задачу не только описать основные действия, предпринятые Зигельбоймом, но также попытаться понять их мотивы, сосредоточившись, в частности, на отношениях Шварцбарт – Зигельбойм.

В последующих работах польских историков Шмуль Зигельбойм не занимал центрального места. Упомянув его, исследователи делали это скорее в силу обязанности историка, а не из стремления дополнить его биографию. Настоящим прорывом стала книга Александра Ровиньского «Zygielbojma śmierć i życie» («Смерть и жизнь Зигельбойма») [Rowiński 2000]. Это, к сожалению, не исторический труд, а скорее репортаж, в котором описывается не только биография Зигельбойма, но и усилия автора по исследованию его жизни, здесь повторен прием из статьи, опубликованной в «Przegląd Tygodniowy». Главной ценностью этой книги являются переводы из «Zygielbojm-buch» [Zygielbojm-buch 1947] и беседы с людьми, которые встречались с Зигельбоймом – Лидией Чёлкос и его братом Файвелом Зигельбоймом. Стоит отметить, что «Zygielbojm-buch» отражает военные годы жизни Шмуля Зигельбойма, в то время как рассказ Файвела дает представление о детстве и юности членов семьи Зигельбоймов. Автор, однако, не был достаточно подготовлен к выполнению трудной задачи, которую он перед собой поставил. Ему удалось разобраться с источниками на идише (хотя некоторые переводы оставляют желать лучшего), но ему не хватило исторических знаний.

Поэтому Ровиньский наощупь передвигался не только по извилистым тропам жизни «польского Лондона», но и, прежде всего, еврейской политики того времени. Он сделал много ошибок, неверно приводя фамилии и названия организаций. Вместе с тем, он стал первым, кто занялся драмой еврейского политика. Более того, ему удалось обрисовать фигуру Зигельбойма в более широком контексте: как политика, который считает, что кто-то другой должен занимать его место в Национальном совете; как отца и мужа, оставившего свою семью в оккупированной Польше и почти ничего

¹⁶ Ранее к этим вопросам обратились западные историки, в частности, Давид Энгел и Цви Авитал.

не знавшего о них, и, прежде всего, как представителя польских евреев, который получил невыполнимое задание – остановить Холокост. Ровиньский не реконструирует все действия, предпринятые Шмулем Зигельбоймом в Лондоне. Напротив, довольно часто у читателя складывается впечатление, что автор сосредотачивает внимание на менее важных деталях и фрагментах биографии, поскольку они более пригодны для репортажа.

Публикация книги Александра Ровиньского не изменила того места, которое было отведено Шмулю Зигельбойму в историческом дискурсе. Его продолжали воспринимать в основном в ореоле его смерти, а она виделась сквозь призму его прощального письма. Фундаментальное изменение, которое произошло, впрочем, не из-за книги Ровиньского, состояло в том, что Зигельбойм стал неотъемлемой частью истории Холокоста. Его имя упоминается в энциклопедиях и словарях по истории евреев¹⁷. История *Шоа* уже перестала быть исключительно описанием немецких преступлений. Исследователи значительно расширили спектр своего внимания, описывая вначале историю Катастрофы с перспективы жертв, а затем обращая свой взгляд на свидетелей.

В новейших трудах польских историков – Адама Пулавского [Puławski 2009], Анджея Жбиковского [Żbikowski 2014], или Дариуша Либёнки [Libionka 2010, 57–93] – Зигельбойм фигурирует лишь как один из многих трагических героев военных лет. Этот подход обусловлен тематическими рамками работ этих исследователей. Важно, однако, что эта фигура не может быть обойдена стороной, когда анализируются реакции на Холокост. Об этом также свидетельствует учебник «Od niepodległości do niepodległości. Historia Polski 1918–1989» («От независимости к независимости. История Польши 1918–1939»), изданный Институтом национальной памяти. Его авторы относят самоубийство бундовца к комплексу реакций польских властей и различных польских кругов на Холокост, рассматривая поступок Зигельбойма как их составную часть¹⁸.

Биография Зигельбойма, а точнее – его самоубийство, все еще является частью нынешней борьбы за память о насилии, что побуждает вспомнить процитированную выше речь Казимежа Русинека 1968 г. В книге Романа Пески [Peska 2000] смерть Зигельбойма рассматривается лишь как предлог для обвинения «мирового еврейства», которое, в отличие от польских властей и польского общества, не оказывало помощи евреям, обреченным на истребление. Во многих публикациях смысл предсмертного письма Зи-

¹⁷ См., например: <https://sztetl.org.pl/pl/biogramy/4542-zygielbojm-szmul-mordechaj> (дата обращения: 12.11.2017); http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Zygielbojm_Shmucl_Mordkhe (дата обращения: 12.11.2017); http://www.jhi.pl/psj/Zygielbojm_Szmul_Mordechaj (дата обращения: 12.11.2017). См. также: [Totten, Bartrop 458–459; Cała 2000, 377].

¹⁸ <http://www.polska1918-89.pl/ludobojstwo-niemieckie-na-polskich-zydach,223.html> (дата обращения: 12.12.2017).

гельбойма оказывается размыт. То, что было очевидно для Романовского и Терлецкого¹⁹ в 1983 г. и для Адама Михника [Michnik 1993] в 1993 г. – что бундовец адресуется обвинения всему свободному миру, как правительствам Великобритании и Соединенных Штатов, так и правительству Польши, – теперь перестало быть очевидным.

Место прямо называемых «виновников» занимают «союзники» [Kozłowski 2018]²⁰ или «Запад» [Jakubczak 2003]. Если упомянутые статьи можно счесть примерами неточности, то текст на портале niezalezna.pl²¹ и статья в «Gazeta Warszawska» [Rekontra 2018] доказывают, что Зигельбойм протестовал только против отсутствия реакции на Холокост со стороны западных государств, а именно Великобритании и США. К счастью, публикации этого типа находятся на периферии польского исторического дискурса. Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что фигура Шмуля Зигельбойма может использоваться в обвинениях Польши в пассивности во время Второй мировой войны, при этом его самоубийство служит важным доказательством того, что это Запад был глух к просьбам и призывам.

Выводы

Еврейская социалистическая партия Бунд присутствует в польском общественном сознании и историографии, опираясь на несколько клише, на некоторые фигуры. Это обусловлено стремлением включить избранные фрагменты истории этой политической группы в общую историю Польши. Такой прием создает искусственное единство польских и еврейских судеб, показывая такие фрагменты общего прошлого, которые в общепринятой интерпретации не вызывают никаких неудобных вопросов.

Первой из этих фигур является Марек Эдельман, описанный в репортаже Ханны Краль «Zdażyć przed Panem Bogiem» («Опередить Господа Бога»), где он предстает последним руководителем восстания в Варшавском гетто и врачом, безоговорочно преданным своим пациентам. В этом изложении Бунд – это партия, сражающаяся с немецким захватчиком. Невозможно не разделить убеждения, что, как это ни парадоксально, именно восстание для многих поляков является единственной рациональной реакцией перед

¹⁹ Поразительное, но достойное упоминание изменение способа писать о Зигельбойме у Рышарда Терлецкого [Terlecki 2018].

²⁰ В этой статье рассказывается о визите премьер-министра Матеуша Моравецкого в Хелм, где он возложил цветы к мемориальной доске в честь Шмуля Зигельбойма. Менее чем через неделю таким же образом он почтил память солдат Свентокшиской бригады, сотрудничавших с немцами.

²¹ См.: <http://niezalezna.pl/43951-straznik-muru-getta> (дата обращения: 11.10.2017); www.passa.waw.pl/index.php/artukul/antypolonizm-staje-sie-gorszy-od-antysemityzmu,303?ref=1 (дата обращения: 11.10.2017).

лицом Холокоста. Когда говорят об Эдельмане, чаще всего забывают крайне горькие слова, сказанные им о поляках. В польской памяти Эдельман присутствует не как тот человек, который до войны боялся польских хулиганов и старался не ходить по центральной варшавской улице Новы Свят. В этой перспективе нет места размышлениям ни о причинах того, почему бундовец Эдельман во время Варшавского восстания сражался в рядах Армии Людовой, ни и о цене, которую ему пришлось заплатить, когда в 1968 г. его семья уехала на Запад, а он решил остаться в Польше.

В очередной раз Бунд появляется на страницах польской истории вместе с Генрихом Эрлихом и Виктором Альтером, довоенными лидерами этой партии. Их арест советскими властями, а затем трагическая гибель, позволяют полякам ощутить общность судеб с еврейскими лидерами. Именно в советских тюрьмах погибали поколения поляков, а во время войны Катынь стала синонимом величайшего преступления, совершенного в отношении поляков. Однако в таком изложении отсутствует описание довоенной деятельности обоих бундовцев. В польской историографии они присутствуют не как защитники еврейской общины от антисемитизма, а только как жертвы сталинского террора.

Последним примером является, конечно же, Шмуль Зигельбойм. В польском нарративе он включается в понятие «польское правительство в изгнании». Вероятно по этой причине для национальной историографии неважно, чем он занимался до приезда в Лондон и какова именно была его роль там. Для польских авторов биография Зигельбойма начинается с того момента, когда он начинает информировать о немецких преступлениях в Польше. Можно предположить, что самоубийственная борьба бундовца отождествляется здесь с польской судьбой времен войны – совершенно самоотверженной и абсолютно безнадежной. Таким образом, история деятельности Зигельбойма военного времени ограничивается только призывами, обращенными к свободному миру. Часто отсутствует более глубокое осмысление позиции представителя Бунда, поскольку он не вписывается в простые схемы.

Зигельбойм никогда не был ключевой фигурой ни в истории Польши, ни даже в истории Холокоста. Интерес к нему волнообразно колеблется: можно заметить периоды, когда он увеличивается, хотя большую часть времени остается на постоянном, довольно низком, уровне. Чаще всего Зигельбойм упоминается в связи с дискуссией о польском соучастии в Холокосте. Как это ни парадоксально, он – сам лишенный поддержки и помощи – становится доказательством помощи и поддержки со стороны польских властей для массово гибнущих евреев. Из него пытаются сделать одного из героев истории Польши. Эта ситуация лишь частично изменилась, благодаря упомянутым выше работам Д. Либёнки и А. Пулавского. Приведенные ими источники и их анализ ясно показывают изоляцию Зигельбойма и его сложные отношения с польскими властями в изгнании. Однако предложенные

ими интерпретации не были восприняты публицистикой. Там Шмуль Зигельбойм по-прежнему является польским героем, тщетно боровшимся с безразличием (западного) мира.

Интересно, что количество упоминаний Зигельбойма в СМИ и публицистике правой политической ориентации превышает упоминания его в тех СМИ, которые ассоциируются с левым флангом политической сцены. Левые, несмотря на близость к идеалам, ценным и для политика Бунда, не выработали способ говорить о нем, не сделали его своим героем.

Перевод Марии Макаровой

Источники

- Biuletyn 1943 – Szmul Zygielbojm (Towarzysz Artur) // Biuletyn. Lipiec 1943. № 5. S. 1–2.
- Edelman 1945 – *Edelman M.* Getto walczy. Udział Bundu w obronie getta warszawskiego. Łódź, 1945.
- Fuks 1983 – *Fuks M.* 23.VII.–12.V.1943 // Adama Czerniakowa dziennik getta warszawskiego 6.IX.1939–23.VII.1942 / Oprac. M. Fuks. Warszawa, 1983.
- Herts 1947 – *Herts. J.S.* Shmul Mordekhai Ziglboym // Ziglboym-bukh, New York, 1947
- Jot 1943 – *Jot.* Tow. Zygielbojm w Radzie Narodowej R.P. // Biuletyn. Lipiec 1943. № 5. S. 6.
- Mark 1953 – *Mark B.* Powstanie w getcie warszawskim. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1953.
- Nowakowski 1943 – *Nowakowski Z.* Zakładnik // Wiadomości Polskie, Polityczne i Literackie. 6.VI.1943.
- Zygielbojm-bukh 1947 – Zygielbojm-bukh. New York, 1947.

Литература

- Ainsztein 1964 – *Ainsztein R.* New Light on Szmul Zygielbojm's Suicide // Yad Vashem. Biulletin. 1964.
- Ankiewicz, Nowowiejski 2001 – *Ankiewicz D., Nowowiejski M.* Zygielbojm's Death. New York, 2001.
- Bartoszewski, Lewinówna 1966 – Ten jest z ojczyzny mojej... Polacy z pomocą Żydom 1939–1945 / Oprac. W. Bartoszewski, Z. Lewinówna. Kraków, 1966.
- Blatman 1990 – *Blatman D.* On a Mission Against All Odds: Samuel Zygelbojm in London (April 1942 – May 1943) // Yad Vashem Studies. 1990. Vol. 20.
- Blatman 2004 – *Blatman D.* Reakcje żydowskich działaczy i organizacji żydowskich na wiadomości z Polski (1942–1943) // „Akcja Reinhardt”.

- Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie / Red. D. Libionka. Warszawa, 2004.
- Bytnar, Terlecki 1983 – *Bytnar G., Terlecki R.* Śmierć Szmula Zygielbojma // Tygodnik Powszechny. 8.V.1983. № 19. S. 1–2.
- Cała 2000 – *Cała A.* Zygielbojm Szmul Mordechaj // A. Cała, H. Węgrzynek, G. Zalewska. Historia i kultura Żydów polskich. Słownik. Warszawa 2000.
- Pełczyński, Ciołkosz 1963 – *Pełczyński T., Ciołkosz A.* Opór zbrojny w ghetcie warszawskim w 1943 roku. Londyn, 1963.
- Datner 1946 – *Datner S.* Walka i zagłada getta białostockiego. Łódź, 1946.
- Eisenbach 1961 – *Eisenbach A.* Hitlerowska polityka zagłady Żydów. Warszawa, 1961.
- Fuks 1983a – *Fuks M.* W 40. rocznicę śmierci Adama Czerniakowa // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. 1983. № 1.
- Iranek-Osmecki 1981 – *Iranek-Osmecki K.* Kto ratuje jedno życie... Polacy i Żydzi 1939–1945. Warszawa, 1981.
- Jakubczak 2003 – *Jakubczak F.* Emanuel Ringelblum, Ludwik Widerszal, Szmul Zygielbojm // Gazeta Wyborcza. Olsztyn. 12.06.2003. S. 7.
- Kobylarz 2009 – *Kobylarz R.* Walka o pamięć. Polityczne aspekty obchodów rocznicy powstania w getcie warszawskim 1944–1989. Warszawa, 2009.
- Kozłowski 2018 – *Kozłowski P.* Morawiecki o polskich Żydach: „Nigdy nie byli wypędzani” // Gazeta Wyborcza. 12.02.2018. S. 4.
- Libionka 2010 – *Libionka D.* Walka i propaganda. Powstanie w getcie warszawskim z perspektywy polskiego Londynu. 2010. № 10. S. 57–93.
- Maciejewska 1988 – *Maciejewska I.* Męczeństwo i zagłada Żydów w zapisach literatury polskiej / Oprac. I. Maciejewska. Warszawa, 1988.
- Mark 1952 – *Mark B.* Ruch oporu w getcie białostockim. Samoobrona, Zagłada, Powstanie. Warszawa, 1952.
- Michnik 1993 – *Michnik A.* Bunt i milczenie // Gazeta Wyborcza. 17.06.1993. S. 10.
- Peska 2000 – *Peska R.* Dlaczego Szmul M. Zygielbojm odebrał sobie życie? Polacy – Żydzi – sprzymierzeńcy w świetle dokumentów Armii Krajowej 1941–1944 / Oprac. R. Peska. Pabianice, 2000.
- Pickhan – *Pickhan G.* Pod prąd. Powszechny Żydowski Związek Robotniczy Bund w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 2017.
- Pragier 1968 – *Pragier A.* Śmierć Zygielbojma // Wiadomości. 12. 05.1968. S. 1.
- Puławski 2009 – *Puławski A.* W obliczu zagłady. Rząd RP na Uchodźstwie, Delegatura Rządu RP na Kraj, ZWZ-AK wobec deportacji Żydów do obozów zagłady (1941–1942). Lublin, 2009.
- Ravel 1980 – *Ravel A.* Faithful unto Death: the Story of Arthur Zygielbaum. Montreal, 1980.
- Rekontra 2018 – *Rekontra.* Żyd Szmul Zygielbojm, dumny Polak // Gazeta Warszawska. 23.02.2018. S. 1.
- Rowiński 1983 – *Rowiński A.* Odnaleźć ślad człowieka // Przegląd Tygodniowy. 17.04.1983. № 16. S. 1, 6–7.

- Rowiński 2000 – *Rowiński A.* Zygielbojma śmierć i życie. Warszawa, 2000.
- Skomra 2018 – *Skomra S.* Premier Morawiecki złożył kwiaty pod tablicą Szmula Zygielbojma. Mało znana historia, zapomniany bohater // *Kurier Lubelski*. 13.02.2018. S. 2.
- Słonimski 1975 – *Słonimski A.* Alfabet wspomnień. Warszawa, 1975. S. 268–269.
- Stola 1992 – *Stola D.* Kwestia żydowska w Radzie Narodowej RP // *Więź*. 1992. № 4.
- Stola 1995 – *Stola D.* Nadzieja i zagłada. Ignacy Schawrzbart – żydowski przedstawiciel w Radzie Narodowej RP (1940–1945). Warszawa, 1995.
- Tellerman 1994 – *Tellerman J.S.* Arthur Zygielbaum: hero of the Warsaw Ghetto // *Journal of Psychology and Judaism*. 1994. Vol. 18. P. 339–348.
- Terlecki 2018 – *Terlecki R.* Poruszające wspomnienie Terleckiego o Żydzie z Chełma. Zygielbojm alarmował o holocaustie. Organizacje żydowskie były głuche // <https://wpolityce.pl/historia/381863-poruszajace-wspomnienie-terleckiego-o-zydzie-z-chelma-zygielbojm-alarmowal-o-holocaustie-organizacje-zydowskie-byly-gluche> (dostęp - 12.02.2018).
- Tombs 2000 – *Tombs I.* “Morituri vos salutant”: Szmul Zygielbojm’s Suicide in May 1943 and The International Socialist Community in London // *Holocaust and Genocide Studies*. 2000. Vol. 14. P. 242–265.
- Tombs 2000a – *Tombs I.* Szmul Zygielbojm, the British Labour Party and the Holocaust // *Jews, Labour and the Left* / Red. Ch. Collette, S. Bird. Adlershot, 2000. P. 122–140.
- Totten, Bartrop 2007 – *Totten S., Bartrop P.R.* Dictionary of Genocide. Vol. 2. Westport, 2007.
- Trębacz 2016 – *Trębacz M.* Izrael Lichtenstein (1883–1933). Biografia żydowskiego socjalisty. Łódź, 2016.
- Weinstock 1996 – *Weinstock N.* Sur Shmuel Zygielbojm: témoignages, récits autobiographiques, correspondance // *Le Monde Juif*. 1996. № 158.
- Żbikowski 2014 – *Żbikowski A.* Karski, Warszawa, 2014.

Shmuel Zygielbojm (1895–1943) as a Figure in Polish Historical Discourse

Michał Trębacz (POLIN Museum of the History of Polish Jews; University of Łódź)

Ph.D. History

E-mail: michal.trebacz@gmail.com

ID ORCID: 0000-0003-1591-4473

Abstract: Szmul Zygielbojm, activist of the socialist Bund, member of the National Council of the Republic of Poland in London, on the night of May 11-12, 1943, committed

suicide. It was a deliberate act of protest against „the inaction with which the world is staring and allowing the Jewish people to exterminate.“Quite early this universal act of opposition to evil became an argument showing Polish merits and non-Polish faults in informing the world about the Holocaust. How did historians and publicists talk about Zygielbojm? What role was assigned to him in the discourse about the Holocaust and Polish-Jewish relations? Why has the Bundist figure returned in contemporary debate?

Keywords: Zygielbojm, Polish-Jewish Relations, Holocaust in Contemporary Discourse, Historiography of Holocaust

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.07

References

- Ainsztein, R., 1964, New Light on Szmul Zygielbojm’s Suicide. *Yad Vashem Bulletin*, 15, 8–12.
- Bartoszewski, W., and Z. Lewinówna, eds., 1966, *Ten jest z ojczyzny mojej...: Polacy z pomocą Żydom 1939–1945* [He is from My Homeland: how Poles Helped the Jews, 1939–1945]. Kraków, Wydawnictwo “Znak”, 634.
- Blatman, D., 1990, On a Mission Against All Odds: Samuel Zygielbojm in London (April 1942 – May 1943). *Yad Vashem Studies*, Vol. 20, 237–271.
- Blatman, D., 2004, Reakcje żydowskich działaczy i organizacji żydowskich na wiadomości z Polski (1942–1943) [The Reaction of Jewish activists and of Jewish Organizations to the News from Poland (1942–1943)]. *Akcja Reinhardt: zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie* [Operation Reinhardt: the Holocaust in the General Governorate], ed. D. Libionka, 267–282. Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej, 376.
- Datner, S., 1946, *Walka i zagłada getta białostockiego* [Struggle and Downfall of the Białystok Ghetto]. Łódź, Centralna Żydowska Komisja Historyczna przy C.K. Żydów Polskich, 48.
- Eisenbach, A., 1961, *Hitlerowska polityka zagłady Żydów* [Hitler’s Policy of Holocaust]. Warszawa, “Książka i Wiedza”, 703 .
- Fuks, M., 1983, W 40. rocznicę śmierci Adama Czerniakowa [On the 40th Anniversary of Adam Czerniakow’s Death]. *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*, 1 (125), 25–30.
- Iranek-Osmecki, K., 1981, *Kto ratuje jedno życie...: Polacy i Żydzi 1939–1945* [He Who Saves One Life: Poles and Jews 1939–1945]. Warszawa, “Krağ”, 320.
- Kobylarz, R., 2009, *Walka o pamięć: polityczne aspekty obchodów rocznicy powstania w getcie warszawskim 1944–1989* [Struggle for Memory: Political Aspects of Commemoration of the Warsaw Ghetto Uprising Anniversary 1944–1989]. Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej, 479.
- Libionka, D., 2010, *Walka i propaganda: powstanie w getcie warszawskim z perspektywy polskiego Londynu* [Struggle and Propaganda: the Warsaw

- Ghetto Uprising from the Viewpoint of the Polish London]. *Zagłada Żydów: studia i materiały*, 10, 57–93.
- Libionka, D., 2014, Walka i propaganda: powstanie w getcie warszawskim z perspektywy polskiego Londynu [Struggle and Propaganda: the Warsaw Ghetto Uprising from the Viewpoint of the Polish London]. *Zagłada Żydów: studia i materiały*, 10, Vol. 1, 27–56.
- Mark, B., 1952, *Ruch oporu w getcie białostockim: samoobrona, zagłada, powstanie* [Resistance Movement in the Ghetto of Białystok: Self-Defense, Holocaust, Uprising]. Warszawa, Żydowski Instytut Historyczny, 283.
- Pełczyński, T., and A. Ciołkosz, 1963, Opór zbrojny w getcie warszawskim w 1943 roku [The Armed Resistance in the Warsaw Ghetto in 1943]. Londyn, Studium Polski Podziemnej, 14.
- Pickhan, G., 2017, *Pod prąd: Powszechny Żydowski Związek Robotniczy Bund w Polsce w latach 1918–1939* [Upstream: General Jewish Labour Bund in Poland in 1918–1939]. Warszawa, Wydawnictwo Neriton, Niemiecki Instytut Historyczny, 480.
- Puławski, A., 2009, *W obliczu zagłady: Rząd RP na Uchodźstwie, Delegatura Rządu RP na Kraj, ZWZ-AK wobec deportacji Żydów do obozów zagłady (1941–1942)* [Facing the Holocaust: Polish Government in Exile, Government Delegation for Poland, ZWZ-AK at the Time of Deportation of Jews to Death Camps (1941–1942)]. Lublin, Oddział Instytutu Pamięci Narodowej, 582.
- Ravel, A., 1980, *Faithful unto Death: the Story of Arthur Zygielbaum*. Montreal, Arthur Zygielbaum Branch, Workmen's Circle, 193.
- Rowiński, A., 2000, *Zygielbojma śmierć i życie* [Death and Life of Zygielbojm]. Warszawa, Oficyna Literatów "Rój", 271.
- Stola, D., 1995, *Nadzieja i zagłada: Ignacy Schwarzbart – żydowski przedstawiciel w Radzie Narodowej RP (1940–1945)* [The Hope and the Holocaust: Ignacy Schwarzbart – a Jewish Representative in the National Council of Poland (1940–1945)]. Warszawa, Oficyna Naukowa, 376.
- Tellerman, J.S., 1994, Arthur Zygielbaum: Hero of the Warsaw Ghetto. *Journal of Psychology and Judaism*, Vol. 18, 4, 339–348.
- Tombs, I., 2000, "Morituri vos salutant": Szmul Zygielbojm's Suicide in May 1943 and the International Socialist Community in London. *Holocaust and Genocide Studies*, Vol. 14, Pt. 2, 242–265.
- Tombs, I., 2000, Szmul Zygielbojm, the British Labour Party and the Holocaust. *Jews, Labour and the Left, 1918–48*, ed. C. Collette and S. Bird, 122–140. Adlershot, Ashgate, 186.
- Trębacz, M., 2016, *Izrael Lichtenstein: biografia żydowskiego socjalisty* [Israel Lichtenstein: Biography of a Jewish Socialist]. Łódź, Oddział Instytutu Pamięci Narodowej, 250.
- Żbikowski, A., 2014, *Karski*. Warszawa, Świat Książki, 503.